

УДК 172:[321.64+323.13(=411.16)]

ФАШИЗМ И СИОНИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ОПРАВДАНИЯ НАСИЛИЯ**В. И. Красиков**

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ грант № 07-06-00067-а

В мире много насилия, как и много идеологических форм его оправдывания. Последние, может быть, наиболее опасные явления, поскольку легализуют, легитимируют и освящают насилие, делают его объяснимым и приемлемым. Философские и религиозные оправдывания насилия, при всей суггестивной силе их воздействия, остаются все же достаточно далекими от среднего человека с его повседневными, мирскими заботами. Наиболее же сильны, влиятельны убеждения-предрассудки, «запечатлеваемые» детьми на ранних стадиях их социализации, буквально впитываемые с молоком матери. Речь идет о печальной особенности нашего вида, его когнитивном атрибуте – способности к *индоктринации*. Это «способность к специальному формированию диспозиции, обеспечивающей принятие групповых характеристик и идентификацию с ними, которая тем самым служит сплочению и демаркации «мы-группа» /1, 51/. Эта готовность к племенному сплочению проистекает из первичной способности к образованию диад «мать-ребенок», подобно импринтингу у птенцов, что порождает обычно высокий уровень сопротивления отказу от культурных представлений и верности, прививаемых в раннем детстве. Потому любой человек наиболее уязвим националистическим чувствам, воспринимаемым как наиболее естественные и правильные. И это, если национализм становится радикальным, экстремистским, – наиболее серьезное испытание для гуманизма как подлинной общей идеологии человечества. Радикальный национализм становится самым сильным, можно сказать, ослепляющим, оправданием насилия одних народов против других. Общность разума подвергается самому серьезному испытанию ослеплением крови.

Сам радикальный национализм не есть какое-то антропологическое либо историческое «извращение» – это одна из объективных форм этнического развития: как собственно этногенеза, так и этнической мобилизации. Однако осознание этих процессов в большинстве случаев имеет метафорический, мифотворческий характер и представлено в радикально-националистических, иногда – расистских идеологиях.

История знала и знает много форм национализма и расизма. Националистические чувства столь же естественны, как и эгоизм ребенка. Националистических концепций много – большинство народов имеет их в своем арсенале. Степени их развитости и радикализма зависят от историко-культурного прошлого, текущего состояния и насущных задач. Сам вопрос о национализме всегда болезнен, как болезненно, к примеру, самолюбие большинства людей. Тем более, что граница между «здоровым» нацио-

нализмом (любовь к традициям, истории, обычаям, культуре) и «радикальным» – трудноопределима и спорна. Вместе с тем есть яркие своей откровенностью националистические, расистские идеологии, родившиеся не в тиши кабинетов, а вызревшие в исторических коллизиях, прямо санкционирующие и сакрализующие насилие.

Потому для анализа следует выбрать те формы радикального национализма, в отношении которых есть прецеденты международной правовой квалификации их как форм «расизма». Это сионизм и фашизм. Фашизм осужден как человеконенавистническая идеология Нюрнбергским международным трибуналом, сионизм же квалифицирован как «форма расизма и расовой дискриминации» в резолюции № 3379 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН 10 ноября 1975 года на 2400 пленарном заседании. Правда, следует отметить и то, что резолюция позднее была отменена, как и принята, в результате политических игр.

Конечно, имеется несомненная историческая, ценностная асимметрия между ними: гонители и гонимые. Однако парадокс, неоднократно имевший место быть ранее в истории, заключается в том, что «гонимые» и «гонители» есть всегда временные и условные положения, которые взаимообусловлены и имеют тенденции к перестановке. Расистские концепции остаются расистскими, даже если одна из них принадлежит стороне, пережившей чудовищную Катастрофу.

Начнем рассмотрение с иудаистского радикализма, переросшего в сионистскую концепцию. Его, однако, невозможно понять без хотя бы краткого обсуждения факторов, породивших феномен «еврейства». Свои уникальность и величие этот народ доказал с очевидностью и для друзей, и для врагов.

Мне известен лишь один похожий прецедент в истории, сопоставимый с судьбой еврейского народа – это история цыган. Их общие черты следующие.

Цыгане, как и евреи до сороковых годов XX века, – «народ рассеяния», кочевья без территории. Предположительно около X века н. э. начался исход из исконных мест обитания некоторых племен низших индийских каст, освоивших в течение IV-V столетий просторы Передней Азии и Египта. С XV века под напором османской экспансии начинается «великий поход» наиболее авантюрных цыганских элементов в Западную и Восточную Европу, которые, в отличие от основной оставшейся массы, имели ярко выраженную паразитическую, маргинальную направленность /2, 18-23/.

Вторая черта, схожая у обоих народов – это устойчивость, культивирование семейно-клановых структур: большинство и евреев, и цыган четко знают, кто к какой племенной и клановой структу-

рам относится. Существует специализированное знание физических признаков, истории кланов, особенностей их этосов. Разумеется, подобное можно встретить и у многих других народов, особенно небольших и живших долгое время в изоляции. Однако речь идет все же об эксклюзиве сохранности племенных структур у народов «нестационарных», долгое время находившихся в постоянном историческом перемещении на огромных территориях с весьма разными культурами.

Все же наиболее бросающимся в глаза сходным признаком следует признать такую общую мировоззренческую черту как радикальную дуализацию всего людского состава на «мы и они» по племенному признаку: «евреи и все остальные», «цыгане и гажё». «Пока цыган помнит о незримой границе между собой и остальным миром, он остается цыганом. Все нецыгане – потенциальный источник заработка» /2, 116/. Известно, что подобная дуализация изначальна в общечеловеческом развитии, характеризую первичные племенные категоризации в коллективных самоопределениях. Потом, однако, изживаются и радикализм, и дуализм. Здесь же интенсивность исключительности поддерживается, культивируется самыми разными путями и средствами. Путь, общий обоим этносам, это сознательная традиция более или менее строгой расовой политики, сохранения в общем виде эндогамности, основанной на культивировании женской линии. Она не исключает межэтнических браков, для которых, опять-таки, используется от природы более генетически устойчивый элемент популяции – женщины.

Это порождает закрытость данных групп, отчуждение от остального мира, непонимание и подозрения, а затем и враждебность окружающих. Враждебность переходит в ненависть: антиеврейские и антицыганские законы европейских средневековых обществ. Апофеоз подобного отношения – «Нюрнбергские законы» (15.09.1935, Германия), объявившие евреев и цыган «чуждыми расовыми группами».

Представленная схожесть не должна, однако, вводить в заблуждение относительно беспрецедентности еврейского этноса. Различия между евреями и цыганами все же более существенны, чем внешние, бросающиеся в глаза, сходства. Сходства касаются «родимых пятен» племенности, столь явных при поверхностном сравнении, при первом приближении. Различия указывают на те свойства, которых нет и не может быть у цыган, в силу их исторической молодости и духовного младенчества.

Цыгане в качестве «межстранных кочевников» – молодой, в сравнении с евреями, народ. Их тысячелетие в три раза уступает еврейской только писанной истории. Их передвижение осуществлялось компактными целостными (клановыми) группами – таборами, еврейская экспансия осуществлялась самыми разными способами, основной из которых – постепенное, последовательное «просачивание» отдельными группками и только потом консолидация в национальную общину в данной стране. Цыгане поодиночке, вне табора довольно быстро ассимили-

руются среди окружающего населения, евреи же обладают, как, впрочем, и представители некоторых других культурно развитых народов в диаспорах, большой идентификационной устойчивостью.

Существенное отличие евреев от цыган – в разности занимаемых общественных ниш. Одна часть цыган занимается общественно порицаемой деятельностью: попрошайничеством, кражами, жульничеством, торговлей наркотиками; другая часть – производительной активностью: кузнечным делом, коневодством, шоу-бизнесом и т.д. В обоих случаях это низшие общественные ниши, особенно в традиционных обществах. Евреи – признанные виртуозы во всех делах, связанных с деньгами: ростовщичество, спекулятивных, финансовых операциях, торговле и т. п. Деньги же – это власть, чуть меньшая в традиционных обществах и почти абсолютная в рыночных обществах.

Однако главное отличие в духовной сфере. У цыган отсутствует самородная национальная религия, отсутствует драматическое сознание собственной исключительности, имеющей сверхъестественную легитимацию. Собственно рассеяние и Библия создали еврейство как нацию. То обстоятельство, что евреи – «народ Книги», всегда держало и будет держать еще долгое время их в фокусе всеобщего интереса. Это не просто народ-торговец, народ-посредник, которому в истории достается экономическая, рыночно связующая роль – как и финикийцам, генуэзцам, армянам и венецианцам. *Функциональный космополитизм* евреев ярко проявился в их миссии передатчиков серии важных идей между регионами, которые, так или иначе, находились в интеллектуальном поле Книги.

Нет нужды пространно говорить о той зоне эмоционального и идеологического напряжения, в которой находятся теоретические вопросы, касающиеся истории и «метафизики» еврейства. Евреи говорят, что они избранные, умные и удачливые, за что их ненавидят, явно либо скрытно, большинство в окружающих их народах. И они, защищая свою самобытность, должны быть всегда лучше и сильнее всех. Антисемиты, недовольные или же просто скептики, указывают на унижающее их достоинство крайнее высокомерие, лукавство и интриганство, закрытость, нарушение норм общепринятой морали, нечестный захват ключевых плацдармов в экономике и политике. Причем отчасти правы обе стороны. Попытаемся же, используя богатую «евреелогическую» литературу, эксплицировать наиболее рациональное и обозначить искомые факторы, создавшие феномен «еврейства».

Похоже, главный фактор генезиса еврейства – это уверенность в собственной племенной (кровной) исключительности. Эта уверенность отформирована идеей изначального и неперерешаемого выбора Бога – Творца сущего. Причем Бог евреев даже не «национальный» Бог. Он семейный, клановый. Бог «семья Аврамова», которое разрослось в народ. Завет и благословение относимы лишь к этой крови и плоти, опять-таки – к «святому семейству».

Это-то и делает иудейство как минимум «национальной» религией, а в формате радикального иудаизма, как мы увидим далее, экстремистским мировоззрением, «абсолютным расизмом». Ведь здесь субъект, носитель – даже не «раса», а клан, семья, имеющие сверхъестественную легитимацию в безапелляционной форме.

Второй фактор, являющийся по сути расшифровкой, раскрытием метафизической идеи «избрания», – фактор «крови и плоти», фактор полусознаваемого отбора. Выбор Бога иррационален, как спонтанна, самородна, необосновываема вообще любовь как таковая, и относим к крови Авраама и его потомства. Это делало предметом постоянного внимания, максимального напряжения вопросы защиты расовой чистоты.

Третий главный фактор нациогенеза евреев – формирование в вечном скитании, «рассеянии», как общей поведенческой стратегии, кодекса, этоса, в основе которого соединение предельной самоотчужденности и самозащитной практики космополитизма. М. О. Гершензон, автор работы «Судьба еврейского народа», объясняет это самим характером этногенеза у евреев – «распыленное кочевье»: не в прочном укоренении оседлости, а на ходу, в движении. За две тысячи лет они оторвались от «земли», осталась только «кровь» как средство идентификации у народа «подвижных профессий». Собственно выживание в «рассеянии», состояние «под прессом», конфронтация как стиль жизни – это и есть то Дело, которое «сделало» евреев. Это «обстоятельство («оборонное товарищество» – В. К.) в ходе тысячелетнего пребывания евреев в гетто – отмечает О. Шпенглер, – создало тип европейского еврея с невероятной расовой энергией и всегда сплывает в расу население, которое, вопреки судьбе, душевно смыкается на протяжении долгого времени» /3, 159/.

Теперь обратимся к анализу паттернов экстремистского сознания иудаистского радикализма, рассмотрим мировоззренческие выражения ключевых чувствований сверхъестественной племенной исключительности и племенной кровной чистоты. Подчеркиваем, мы анализируем «метафизику» еврейского радикализма. Разумеется, надо отдавать себе отчет в том, что,

- во-первых, «иудеи» и «евреи» – не тождественные понятия (есть скептики, атеисты, формально верующие интеллектуалы), тем более «сионисты» и «евреи»;

- во-вторых, основу любого этноса составляют не радикалы, а нормальные люди, ориентированные на мир и человеческое счастье семьи, детей и пользу отечества.

Тем более, что многие евреи являются достойными гражданами своих приемных отечеств, ставших для них настоящими, первородными отчизнами. Однако, я полагаю именно радикализм, радикальные взгляды экстремистской части еврейского народа «сделали» весь народ в его психологическом качестве. Это и понятно – в условиях перманентных экстремальных условий именно экс-

тремистская фракция в народе и обеспечила его выживание.

Источниками, на которые я опираюсь в представлении паттернов экстремистского сознания еврейского радикализма, принадлежат перу самих евреев. Во-первых, это классика, тексты основоположников: Тора, произведения культовых сионистов (Т. Герцля, З. Жаботинского, М. Кахане). Во-вторых, это труды еврейских интеллектуалов критически-рефлексивного настроения: М. Гершензона и особенно М. Шафаревича, чья книга стала настоящим окном в тщательно укрываемый от посторонних мир.

Мировоззренческим контекстом радикального иудаизма, этнообразующей основы, является монотеистический натурализм Ветхого завета: сочетание идеи личностного Бога, Творца и единственности естественного мира. Мир сотворен Богом по неким магическим процедурам, и в планы Создателя не входит его уничтожение. Никакого параллельного сверхъестественного мира с сопутствующим бессмертием человеческих душ нет. Все только здесь, в этой единственной жизни. Нет других богов, хотя и есть некие могущественные злые силы непроясненного до конца метафизического статуса – боги других народов. Исключительность реальности еврейского бога отражается в исключительности статуса еврейского народа в жизни планеты, истории людей. Роль не просто центральная: собственно для еврейского Бога более нет других народов-субъектов. Субъект один, остальные – объекты, средства Завета-Любви с возлюбленным. Правила игры не изменяются, но будущее неопределенно, открыто, делается совместными усилиями евреев и их бога. Такой некий натуралистический эгоцентризм, где «его» – еврейский народ плюс их Бог.

Подобный мировоззренческий сценарий обуславливает приоритетность *паттерна «избранности»*, приобретающего в радикальном иудаизме вид «исключительности». Он явно доминирует в смысловом отношении, поскольку установлен в качестве исходного онтологического и социоисторического принципа (Тора). Другие: «атрибуцирование враждебности» и «сценарий конфронтации» имеют характер следствий.

Итак, рассмотрим эти паттерны. Наш анализ будет строиться исходя из последовательности основных исторических звеньев еврейского радикализма: «Тора – Талмуд – книги Герцля и Кахане» или «метафизическая легитимация – этико-поведенческое обоснование (этос еврея) – политическая рефлексия, обновленчество».

Паттерн племенной исключительности сверхъестественного происхождения, как уже отмечено, имеет своим метафизическим фундаментом книги Ветхого Завета и Пророков.

Уже в Ветхом Завете проявилась и другая, обратная позитивно-утвердительной (мы – единственные), критическая тема «позора ренегатам», которая станет неотъемлемым атрибутом последующих обновлений паттерна исключительности. Так в книгах Ездры и Неемии описывают ситуацию на-

рушения некоторыми мужчинами-евреями расовой политики в период «авилонского плена». Они взяли в жены иноплеменниц, произведя от них детей-полукровок. Потребовался решительный нажим пророков-харизматиков для того, чтобы собрание приняло радикальное решение об изгнании инородцев и «ублюдков» /Езд. 9.1-3; 10.2-3; 10.10-12; Неем. 13.23-25/. Также много страниц Ветхого Завета посвящены описанию обличений пророками нарушений и отступлений от Моисеевых предписаний и репрессиям, которые обрушивает на них Иегова. Таким образом, «работа» с ренегатами велась уже тогда.

В средние века в рамках еврейских замкнутых сообществ-кагалов сложилась система взглядов, регламентирующая как отношения с нееврейским миром, так и поведение евреев в частной жизни и в еврейской общине. Она и называется классическим иудаизмом и представлена в Талмуде и «Шулхан-Арухе» /4, 55/. Вся повседневная жизнь еврея – быт, семейные отношения, празднества и бизнес – в начале тщательнейшим образом регламентировалась огромным количеством предписаний и определений. Нарушения жестко преследовались, вплоть до назначения «тайных преследователей» прямым отступникам. Таким образом, в «послехристианское время» племенная исключительность получила организационные формы (кагал, система самоуправления и отношений с окружающим миром) и этические кодификации.

«Период эмансипации», борьбы евреев за свои политические права, ибо экономически они были всегда одними из наиболее влиятельных слоев европейских обществ, привел к серьезным изменениям в их среде. Это выразилось, прежде всего, в ослаблении влияния кагальной организации, сознательной самоассимиляции части евреев, всерьез поверивших идеям либерализма о всеобщем равенстве людей. Идеи братства и космополитизма не являются «изобретением евреев», как о том любят говорить антисемиты, это естественная стадия общечеловеческого развития. Бесспорно, что эти идеи в свое время (XIX в. – в Западной Европе, начало XX в. – в России) существенно облегчили борьбу евреев за политическое равноправие, их инкорпорацию в ряды революционеров. Однако затем эти же идеи стали разъедать национально-религиозные основы еврейских общин. В отсутствие прежних форм дискриминации еврей стал стремительно терять свою знаменитую «форму» – самоидентификацию в режиме «исключительности», стал переплавляться в среднего европейца.

Эти-то процессы и породили сионизм как попытку, во-первых, дать новые организационно-политические цели, вновь консолидирующие евреев уже на государственной основе (Т. Герцль); во-вторых, идеологически возродить, обновить иудаизм, интенсифицировав переживание его положений на новой эмоциональной основе, вновь актуализировав его агрессивный потенциал (З. Жаботинский, М. Кахане).

Так Теодор Герцль в своего рода манифесте сионизма, своей книге «Еврейское государство», более обрушивается не на антисемитов, те для него естественны и непеределываемы, даже в чем-то полезны и необходимы для сохранения качества и тона еврейского народа, а на «ассимилированных евреев», например французских «израэлитов». Это – главный, настоящий враг «дела собирания» евреев в Палестине (или Аргентине). Ибо они «космополиты», утверждающие о том, что у евреев появились свои отечества и в новой мировой ситуации потеряла смысл жестокая самоизоляция, отвлекают еврейские массы от выполнения завета-пророчества о возрождении еврейского государства. Следует признать, что Герцль оказался прав, Гитлер и Катастрофа показали евреям, что задачи самообороны далеко не утратили свою актуальность.

Более успешно задачу эмоционально-морального обновления основополагающих чувств исключительности евреев решил современный выдающийся деятель радикального еврейства рабби Меир Кахане. Харизматичность, литературный талант и мученическая смерть создали ему репутацию современного Моисея.

В июле 1968 в США (Лос-Анджелес), времени пика движения левой студенческой молодежи, он создает, вполне в духе времени, радикальную националистическую организацию «Лигу защиты евреев» (Jewish Defense League). В нескольких книгах, из которых мы здесь рассматриваем произведение «Никогда больше» 1971 года, он дал страстную критику американизации евреев и поставил цель возрождения духа исключительности. Произведение прямо-таки пронизано духом хилизма, мессианства, антибуржуазной, неконформистской страстью, поневоле увлекает даже нееврея, давая возможность понять, сопережить необычную, очень отличную, но человеческую точку зрения.

Главный объект критики Кахане – «еврей-Смит», либерал, примиренец, ставший Западным Человеком, верящим в равенство и всеобщую любовь, материализм и секуляризм. США действительно стали «еврейской нирваной», говорит Кахане, но скоро все кончится. Пройдет шок от Холокоста, кончится экономический бум и антисемитизм возродится. И кого он встретит? – Заплывшего жиром, морально неустойчивого еврея, забывшего национально-религиозные традиции, потерявшего твердость духа. Задача Кахане – возродить «старого еврея», типаж Моисея – у которого глаза полны «еврейского огня», а в сердце – «искры еврейства».

Кахане, бывший в свое время чуть ли не диссидентом-экстремистом в официальном Израиле после его «алии» из США, стал после его мученической смерти в 1990 г. кумиром националистической еврейской молодежи. Похоже, он действительно стал для нее новым пророком, возродив радикализм, традиционно поддерживавший евреев в известном «классическом» качестве.

Кахане сформулировал новый «кодекс» еврея, чья новизна заключается в возрождении ветхозаветной прямоты (честности), в утверждении ключе-

вого архетипа иудейства: собственной исключительности. Максима этого кодекса: «быть евреем и жить как еврей – это высшее счастье».

Если чувствования «исключительности» еще можно списать на «сильный патриотизм», «страстную любовь» к своей нации, то интенсивность форм выражения *паттерна атрибуцирования враждебности* в идеологии еврейских националистических радикалов ясно свидетельствуют о правоте отмененной резолюции Генеральной Ассамблеи ООН.

Все другие люди, окружающий человеческий мир враждебен по определению «Единственного». А что им остается? Только зависть – сознают они это или же нет. Тем более, что подобное положение вещей объективно и неизменно. Бессилие зависти рождает озлобление и ненависть. Такова, упрощенно, самообъяснительная схема «атрибуцирования враждебности» в радикальном еврейском сознании. Все народы, у которых живут евреи, – явные или скрытые антисемиты, – утверждает Герцль. Таким образом, о любви или уважении вообще не стоит. Речь может идти лишь о степени враждебности и терпения. В целом же явственны, как следует из слов Герцля, три категории: явные антисемиты, скрытые и ренегаты – «еврейские политические уроды» (термин А. Богуславского). Худшими антисемитами всегда были евреи-ренегаты (особенно «выкрест-антисемит Маркс») – подчеркивает Кахана.

Истоки «онтологического третирования» и «презумпции ненависти» находимы, конечно же, в Торе. «Необрезанные» предаются «мерзостям», «блудодействию» со своими ложными богами. Другой мотив – «нечистоты» не-иудеев, которая имеет ритуальный характер. Вообще, слова «человек», «брат», «ближний», которые употребляются часто в Ветхом Завете, имеют четкое отнесение, адресование прежде всего к «соплеменнику» и «единоверцу» – еврею-иудею. С этим утверждением согласится большинство исследователей, не ангажированных интересами религиозных конфессий. Потому гуманизм Ветхого, как, впрочем, и Нового Заветов существенно этнически-религиозно ограничен. Эти скрытые подразумевания были в то время настолько очевидными, что не требовали особых пояснений. И хотя подобный этноцентризм («мы – настоящие люди», «все остальные, не совсем люди») был довольно-таки обычным явлением, однако он оставался, так сказать, на житейском уровне. Тора являет собой первый исторический прецедент религиозной теоретизации, метафизики прежде обычного явления в духовной практике того времени. Религиозный гений евреев породил концепцию своей религиозно-племенной исключительности. Другими словами, они первыми концептуализировали в религиозной форме идею, которая так или иначе присутствует в каждом «среднестатистическом» племенном сознании. Причем сделали это настолько совершенно, «чисто», архетипически, что затем только подражали им («иудейские мотивы» в сектантских движениях).

В Торе, которая представляет собой публичный вероисповедальный документ, дана метафизическая

легитимация еврейской исключительности и установлены наиболее общие принципиальные требования к «еврейскому стандарту»: обрезание, соблюдение субботы, разделение окружения на «чистое» и «нечистое», жесткий запрет на кровное смешение с другими народами и т. п. Более детальные инструкции «культурного героя» Моисея передавались в устной традиции и, как утверждается в классическом иудаизме, затем постепенно записывались, систематизировались в серии кодификаций, имеющих разные датировки происхождения, названий, но в общем известные внешнему миру под привычным названием «Талмуд». Его формирование относимо к наиболее суровым для еврейства временам средневековья, когда евреи «изобрели гетто» (Н. Гольдман) и гетто «сделало» евреев. Тогда-то и сложилась знаменитая «еврейская ненависть» (термин Г. Гейне), надо сказать, взаимная, хотя далеко не симметричная по тотальности распространения среди народов мест еврейского проживания.

Вряд ли можно приписывать все это всему иудаизму в целом, но его радикальным, экстремистским версиям – точно. Если в наше время существовали такие, как Кахана, то тем более определенно их было больше ранее, когда взаимная нетерпимость христиан и иудеев была настолько сильна, что современное руководство католической церкви сочло необходимым принести свои извинения за свой исторический антисемитизм.

Политическая эмансипация евреев, произведенная руками революционной буржуазии и либеральных интеллектуалов, существенно изменила климат взаимоотношений еврейских общин и их окружения. Религиозные преследования и политическая дискриминация ушли в прошлое, но антисемитизм, равно как глубокое недоверие и высокомерие ортодоксального иудейства, остались. Однако характеристика ситуации со стороны радикального иудаизма не могла не измениться. Идеологи сионизма отказались от старых оскорбительных выражений в отношении «гоев», это осталось скорее на бытовом уровне «еврейской ненависти». Однако концепт «вражды» окружения и «гнета» как характеристики «окружающей среды» остались. Они не могли исчезнуть. Это один из краеугольных камней радикального иудаизма, обратная сторона медали «исключительности». Евреи – это по генезису и по функционированию «конфликтная группа», если она остается именно группой, сообществом.

Эта ситуация вполне адекватно отразилась в теоретиками радикального сионизма. Герцль на первом Сионистском конгрессе привел определение еврейской нации: «Это группа людей общего исторического прошлого, сплоченная наличием общего врага». Гнет и ненависть делают евреев, – утверждает Герцль и в «Еврейском государстве», – благополучие нас ослабляет. Только гнет приводит нас к прежнему состоянию, только ненависть наших соседей заставляет нас чуждаться их, только притеснения побуждают нас *volens-nolens* составлять ту историческую группу, которую так легко узнать по роковым ее признакам.

«Раньше была вражда к иудаизму, – говорит Герцль там же, – после эмансипации она изменилась. Причиной антисемитизма в наши дни в том, что евреи оказались «сильными конкурентами, внушающими ужас».

«Средний еврей» лучше, сильнее, успешнее «среднестатистического» западного человека. Евреи постоянно производят «излишек» среднего интеллигента, занимают «теплые места» не пропорционально своей численности, объединены тайными связями взаимной поддержки и promotion. Потому антисемитизм – неотъемлемая часть общественного спектра мнений и отношений: был, есть и будет – поскольку порождается завистью, конкуренцией, шовинизмом, религиозной пропагандой и просто человеческой иррациональностью – философски подытоживает Кахана. Потому лучшие еврейские умы три тысячи лет задавались вопросом о выработке успешных стратегий выживания в неблагоприятных условиях, всегда имеющих тенденцию превращения во враждебные.

Это порождает третий – основной паттерн экстремистского иудаизма – *паттерн борьбы*, как способ существования евреев. Борьба и ее цели неизменны, ибо борьба и есть «евреи», как о том учат сами теоретики радикального иудаизма, меняются лишь ее формы. Цели этой борьбы, которые можно эксплицировать, знакомясь с темой, следующие. Перво-наперво, это эмансипация – борьба против любых форм дискриминации, за сохранение своей религиозно-племенной исключительности. Это была всегда активная, наступательная борьба, отнюдь не «глухое сопротивление». Всегда ведь отстаивалась не просто «национальная самобытность», а именно «исключительность», «особое, беспрецедентное место» в строе человеческого сущего. Почему так? Санкционирование выбором Бога порождает еще более высокое предназначение.

Это такая цель, как духовное водительство, наставничество народов Земли. Такие претензии определены всем строем Ветхого Завета, где «дому Якова» отдается высшее эзотерическое знание и руководство народами, «ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся» (Ис. 60.12).

Далее, архетипической целью борьбы еврейства всегда было «возвращение в землю обетованную». Однако, если прежние два возвращения (из египетского и вавилонского пленения) были относительно скорыми, то третье рассеяние оказалось самым длительным, растянутым почти на два тысячелетия.

Итак, мы вполне убедились в том, что взгляды радикального иудаизма и сионизма могут быть охарактеризованы как экстремистские. Паттерны данных форм сознания этой этно-религиозной группы – еврейская племенная исключительность и радикальная конфронтация с антисемитским окружением. Подобная организация сознания и создала феномен «еврейства», хотя и имеет оправдывающе-объективный, социоисторический контекст своего возникновения и эволюции.

Крайности сходятся. «Еврейская ненависть» и «зоологический антисемитизм» породили трагедию Холокоста. Другая «теория крови», породившая феномен «фашизма», – национал-социалистская доктрина Адольфа Гитлера. Общность с рассмотренной ранее племенной экстремистской теорией – в выдвигании на первый план в определении «человеческого» – фактора крови, племенного фактора. Вместе с тем фашизм рожден на совершенно иной социокультурной почве и в иных социоисторических условиях. Потому имеет свои характерные ментальные аранжировки ключевых паттернов экстремистского сознания.

Что такое фашизм? Есть разные объяснения ему в исторической науке и социальной философии: «тоталитаризм», «особая форма модернизации», «третья революция», «восстание масс». Указываются такие признаки, как:

- террористическая монополия массовой партии над экономикой и средствами масс-медиа;
- абсолютистская идеология крайнего радикализма и культ личности.

Но зададимся вопросом: «Почему, как стал возможным фашизм, невиданное и неслыханное в мировой истории?» Ключевые моменты, как я полагаю, это эксклюзивные, экстремальные исторические условия, беспрецедентная «точка бифуркации» в общечеловеческом развитии и, скоррелированная с этими условиями протрация элиты и масс.

Что я имею в виду под «эксклюзивностью» мировой ситуации последних столетий XIX – первой половины XX вв.? Прежде всего решительный скачок развитых земных обществ в экономике, социальной жизни и науке: вступление в зрелое индустриальное общество, которое ознаменовалось катастрофичными для прежних социальных структур (даже в сравнении с ранним индустриализмом) последствиями невиданных концентрации, массификации, монополизации, урбанизации, интернационализации. В науке разразился «кризис основ» фундаментальной науки, базиса мировоззрения – физики. Однако мышление «верхов», национальных истеблишментов ведущих стран оставалось старым – XIX века, партикуляристско-имперским. Как всегда, старые ментально-организационные формы вступили в противоречие с развивающимся содержанием – на сей раз очень остро, невиданно кризисно, ибо, по сути, радикально менялись сами основы человеческого общежития. За 50 лет XX столетия человечество пережило две мировые войны с их массовыми геноцидами (армян, евреев, кавказских народов, цыган, славян), две имперские диктатуры мирового уровня и Великий кризис (1924 – 1933). Вполне понятны ужас и протрация интеллектуалов, чья функция и состоит в продуцировании мировоззрений, и которые могли только беспомощно говорить о роке и иррационализме. Между тем именно эти 50 лет экстрима заставили, подтолкнули развитие обществ в направлении глобализации.

Экстремальный режим развития породил протрацию элиты и стихию спонтанности выражения

исподнего, иррационального неконтролируемых масс. Ленин в свое время гениально отразил эту ситуацию в знаменитом: «Верхи не могут управлять по-старому, а низы не хотят жить по-старому». Массы, внушительная часть торговцев, ремесленников, крестьян, рабочих действительно поддержали в Германии нацистскую партию, как в России – большевиков. Германия, как и Россия, несмотря на ее большую технологическую и культурную развитость, решала те же задачи модернизации. Модернизация порождает большие потрясения, большие мифы, большие страхи и большие разочарования.

Близкая и желанная, казалось, легко осуществимая первородная идея модернизации «Обогащайтесь!», всегда и везде рожающая так называемую «мелкую буржуазию», а проще говоря, людей, пробующих заняться бизнесом, также всегда и везде оказывается «золотым сном», навевным очередным соблазнителем. Люди, пришедшие из деревни в первом или втором поколении, либо порывающие с традиционно-семейным городским занятием, деидеологизируются, освобождаются от своих прежних взглядов – только затем, чтобы «зомбироваться» новой, более коварной именно для масс, либеральной идеологией «равных возможностей» и «безграничных перспектив». Тем тяжелее разочарование. Коллективистская идеология, рожденная на немецкой почве, но апробированная в далекой варварской стране, оказалась чуждой для индивидуалистического духа большинства немцев, хотя, как известно, попытки были и в этом направлении.

Индустриальное общество в полосах своего успешного развития все же поддерживает существование мелкого бизнеса, в широком смысле слова – предпринимательства, и постоянно воспроизводит на место разорившихся все новые массы мелких хозяев (из которых действительно могут получиться единицы крупных). Иное дело – условия тотального, мирового кризиса хорошо известного 1929 года. Пролетаризация широких слоев жизненно активной части населения всегда чревата резким обострением общественной ситуации: они растеряны, разочарованы в идеях, бывших для них авторитетными, дезориентированы, жаждут ответа: кто виноват? Что делать?

Но дезориентирована и в прострации сама элита, она не в состоянии предложить нечто рациональное и вразумительное. Ответ приходит всегда позже, после пережитого, как рефлексия над пережитым. В отчаянии, в прострации, в тяжелой болезни человек ищет спасение в нерациональном, маргинальном для разума в нормальной ситуации. С глубин человеческой природы поднимаются «спящие демоны», те же племенные предрассудки и враждебность. В общем-то, по большому счету, те же, что и у евреев, но последние за три тысячи лет своей истории их отразили, метафизировали, прекрасно «упаковали» в блестящие интеллектуальные формы, подрезав и убрав из зон общего внимания все чересчур уже одиозное и темное. В фашизме же мы видим также первозданную, исходную пле-

менную ненависть, беспощадность и варварство межплеменного уничтожения, как и на заре библейских времен, когда уничтожались народы и погружали ноги свои, «как и псы твои язык свой, в крови врагов» (Псалом 67, 24).

Фашизм, как известно, – общеевропейское явление. Это подтверждает наш тезис о том, что он есть экстремальная форма развития, радикализм которого обусловлен эксклюзивной резкостью, «крутизной» перехода стран Европы и Северной Америки в развитое индустриальное общество. Не имевшая ранее прецедента глубина и быстрота изменений девальвировала прежние ценности и начался поиск новых.

Процесс складывания и утверждения новой парадигмы культуры длителен и постепенен. Сначала она должна утвердиться в умах образованных классов, которые и обеспечивает *promotion*, раскрутку-суггестию в массы. Это также процесс нескорый.

В подобных кризисных, переходных эпохах на первый план часто выходят радикалистские идеологии, теории, которые к тому времени уже разработаны и имеют «товарный вид». Интерес к ним резко возрастает еще и потому, что радикалистские идеологии активизируют и легитимируют культурно-запретное, но потому всегда желаемое. Отменяются терпеливость и терпимость, торжествуют «простые решения» и эгоистическая нетерпимость. Когда культурные правила девальвируются в смысле словом и ценностном отношении, где их метафизическим гарантом является персонализированная трансцендентность: «Если Бога нет, то все позволено», «Бога нет – это мы его убили», тогда все становится возможным.

Расовая теория – это именно европейская идея, европейское изобретение, исходящее из ментальных особенностей самоорганизации именно европейской душевности. Восток знает лишь идею «касты» – метафизику чувств племенной и профессиональной принадлежности. Если «профессия» – водительство, «наставничество человечества», определенное выбором монотеистического Бога, то это-то и рождает «великое племя» (Достоевский), «роковой народ» (Ницше).

Идея же «расы» есть европейское явление. В этом убеждает нас гениальная проницательность Шпенглера, выявившего в качестве формообразующего западноевропейской, «фаустовской души» *династический принцип*. Западноевропейское национальное сознание образуемо чувствами, потом понятиями: «земли и крови», «отечества», «национальной территории», а также удержанием в памяти генеалогических линий происхождения, сакрализованных в царствующих домах и дворянстве. Потому для европейских историков, этнологов, философов представляется самоочевидной связь между понятием «нация» и понятиями «отечество», «предки» (славных мужей, мужчин). Потому для типичного европейца были «органично» чуждыми, т. е. противоестественными, несовместимыми с собственной душевной организацией, этносы «без отечества», реально ориентированные на женские

линии преемственности. Похоже, это – глубинная ментальная причина антисемитизма европейских народов, то искомое «иррациональное». Сюда добавляются чувства недоверия, порожденные закрытостью, отчужденностью и высокомерием, религиозной ревностью и жизненной конкуренцией. Евреи оказались теми чужаками, которые идеально подходили на роль «метафизических злодеев»: они вездесущи, рядом с нами, сильно отчужденны, демонстрируя при том непонятные власть и превосходство.

Метафизическая доктрина Адольфа Гитлера, изложенная им в XI главе «Народ и раса» программного произведения национал-социализма «Моя борьба», не отличается особой глубиной и изощренностью философской аргументации. Как и большинство выдающихся политиков, харизматических вождей, Гитлер, судя по тексту его книги, не обладал привычкой к самостоятельным метафизическим рассуждениям. Однако ему нельзя отказать в интеллекте и большой проницательности. Его рефлексия носит, похоже, только экстравертный характер – он никогда не сомневается ни в себе, ни в своих взглядах. Это, впрочем, необходимый психологический фундамент несокрушимой уверенности в себе (комплекс Иова), подпирющий его харизму и питающий его «энергетику».

Контекст возникновения гитлеровского мировоззрения – это сильный бытовой антисемитизм, базирующийся на религиозной и «органически-душевной» взаимной нетерпимости. В теоретическом же отношении на него сильно повлияли теории и взгляды так называемой «расово-антропологической школы» во Франции и Германии (Ж.-А. де Гобино, Х. С. Чемберлен, О. Аммон, Ж. Ляпуж, Л. Вольтман, Х. Гюнтер, О. Хаузер). Отсюда берет свое происхождение натуралистический квазиобъективизм Гитлера (эволюция и борьба за существование – основные детерминанты жизни), полагание расы в качестве основной движущей силы истории, ценностная дифференциация рас и постулат о гибельности расового смешивания. Именно работы сторонников этой школы, а не Ницше или Шпенглера, интеллектуальный масштаб которых был явно несоразмерен интеллектуальному уровню фюрера, следует считать теоретическими источниками метафизики «Main Kampf».

Мировоззренческие паттерны, составляющие основу гитлеровского понимания мира, бинарны и абстрактно-просты: паттерн «вечной борьбы», паттерн «Прометея человечества» и паттерн «паразитической расы».

Вся экспозиция миропонимания определяется координатами социал-дарвинизма: естественный мир с естественными же законами. Бога, как личностного сверхсущества, управляющего миром по своему усмотрению, я так и не смог обнаружить в «картине мира» Адольфа Гитлера, представленной им в «Main Kampf». Есть смутные ссылки на некоего бога, скорее, в деистическом понимании – формального творца сущего, управляющего миром через свои, нам предстающими «естественными», законы.

Законы, управляющие миром, – «железные» и «безжалостные». Гитлер с легкостью необыкновенной пользуется термином «закон», не беря на себя труд хоть как-то аргументировать «законность» его законов. Итак, мир естественной природы есть мир тотальной конфронтации, ставка в которой – выживание и продолжение рода. Потому «кто хочет жить, тот должен бороться, а кто в этом мире вечной борьбы не хочет драться, тот не заслуживает права на жизнь» /6, 42/.

Движущие силы жизни-борьбы: голод и любовь, насыщение и спаривание, дление себя. Все живое дифференцировано на эндогамные половые группы: виды или «расы». «Железный закон, что хотя жизненная энергия природы почти безгранична, формы размножения и продолжения рода и вида очень ограничены» /6, 38/. Этот «закон» межродовой и межвидовой нескрещиваемости совершенно разных групп животных в общем-то очевиден. Но с него Гитлер без всяких объяснений спускается на уровень внутривидовой, постулируя «закон» противоестественности и вредоносности скрещивания неких абстрактно «сильных» и «слабых», равно как разных уже собственно человеческих рас. «Природа противится спариванию более сильных существ с более слабыми. Но в еще большей степени противно ей смешение высокой расы с низестоящей» /6, 40/.

Логика, конечно, здесь и не ночевала. Почему «исходно» одни расы лучше других, почему, если природе так «противно», она вообще допускает скрещивание рас? Гитлер утверждает, и это стало, как известно, одним из краеугольных оснований политики III Рейха, что именно «чистота расы» – залог процветания, творчества, мощи. Расовое смешение ведет к физическому и умственному регрессу, систематическому вырождению. Опять-таки, применяя свой основной «метод» натуралистической легитимации ключевых тезисов, Гитлер апеллирует к «природе»: в «природе заложено стремление к расовой чистоте». Одна из наиболее древних рас потому и сохранила свою энергию и силу, что строжайшим образом сохраняла «чистоту» своей расы. Своих женщин они, правда, иногда навязывают в жены влиятельным христианам, но что касается мужчин, – заявляет Гитлер, – то тут они принципиально не допускают браков с представителями других рас. Евреи охотно отравляют нрав других наций, но, как зеницу ока, охраняют чистоту собственной крови. Еврей почти никогда не женится на христианке, зато христиане часто женятся на еврейках. Таким образом, в еврейской среде людей смешанной крови не оказывается» /6, 64/.

Другое, после постулата «чистоты расы», фундаментальное допущение – деление народов на три группы:

- основатели культуры;
- носители;
- разрушители.

Первые – генераторы идей, креаторы, создающие «фундамент и стены всех человеческих творе-

ний», «определяющие все планы», «внешнюю форму и окраску».

Основатели культуры, как вы уже наверное догадались, ибо трудно здесь ожидать неожиданных поворотов мысли, – арийцы. Утверждение, описание *позитивного героя* мировой авансцены – второй по важности паттерн гитлеровского мировоззрения. Образ сего белокурого, длинноголового субъекта довольно хорошо знаком и тем, что практически большинство имперской верхушки напрочь не подходило по своим анатомическим характеристикам к классическим описаниям расово-антропологической школы. «Гении человечества», его «Прометеи» – это в общем смысле белые европейцы, в узком, истинном – собственно «самые чистые», северогерманские племена. Они прямо несут культуру народам, завоевывая их, сообщая им творческие идеи, цивилизуя их. Они также «катализаторы», активизирующая причина пробуждения в них творческого начала. Ассимилировавшись, рано или поздно, с ними по причине своей малочисленности и отсутствия правильной расовой политики, их кровь (гены) в туземцах затем зачинает новые великие культуры, представляющиеся неiskusенному историку гением неарийского народа (Китай, Индия, Египет). Но это не явление самостоятельности неарийцев, это «отсветы прошлого» арийской экспансии. Гитлер, вероятно, начался «фантастических рассказов» Х. Чемберлена, который конструировал архаическое всеприсутствие арийцев на всех континентах, «оплодотворявшее» бедных туземцев на их дальнейшие великие цивилизации.

Носители, низшие народы, нужны как «средство», «тяговая сила». Все в этом мире, что не есть добрая раса, является мякиной. Единственная причина отмирания старых культур – смешение крови и вытекающее отсюда снижение расы.

Что же делает арийцев столь творческой и столь ценной расой для всего остального человечества? Ответ – ярчайший пример эклектицизма. Ментально-культурное качество биологизируется в качестве доминирующего биологически-наследственного признака. Это «готовность к личному самопожертвованию, готовность жертвовать своим трудом, а если нужно, то и жизнью других» /6, 49/. Данное качество Гитлер называет «идеализмом», понимаемым им как служение Целому. Целое – это природа с ее, уже запротоколированными выше, «железными законами». Потому, умозаключает фюрер, «борьба за продолжение рода и вида и есть чистый идеализм».

Третий паттерн гитлеровского мировоззрения – «метафизический злодей», народ, играющий в истории роковую, разрушительную роль. Для этого они должны быть злонамеренны и очень сильны. Первое – иметь исходное естественное влечение к идеалам, противоположным «арийским», второе – обладать энергетикой и стратегией ее применения, способной одолеть объединенную мощь всех других народов. Естественные основания еврейства, по Гитлеру, – это «бесконечно цепкая воля к жизни, к сохранению своего рода и вида» /6, 253/. И абсолютный индивидуалистический эгоизм. «Евреи единоклюшны лишь

до тех пор, пока им угрожает общая опасность или пока их привлекает общая добыча. Как только исчезают эти два импульса, сейчас же вступает в свои права самый резко выраженный эгоизм. Народ, который только что казался единоклюшным, тут же превращается в стаю голодных грызущихся друг с другом крыс» /6, 254/. Подобные «естественные основания» теоретизируются самими же евреями в их идеалах: жизнь получше в этом лучшем из миров, т. к. они отрицают загробную жизнь; достижение полного господства над всем миром, чтобы максимизировать первое.

Главные средства реализации идеалов, как полагает Гитлер, это: ложь, евреи – величайшие виртуозы лжи, это способ их существования: мимикрия и паразитизм; «дьявольское искусство во всем, что связано с деньгами»; стремление к эррозированию, сознательному извращению чужих культур для создания системы невидимой власти.

Гитлер все же был более политиком и, собственно, его «know-how» в расовой теории – это подробное описание тактик и техник «просачивания» евреев в национально-государственные механизмы /6, 258-274/. Общая же стратегия «мирового заговора», приписываемая евреям, была известна и до Гитлера, он лишь ее повторил: сначала евреи использовали буржуазию как свое орудие против феодального мира, а затем рабочего как свое орудие против буржуазного мира. Прячась за спиной буржуазии, еврей сумел завоевать себе гражданские права, теперь же, эксплуатируя борьбу рабочих за свое существование, евреи надеются, прячась за спиной этого сословия, окончательно водрузить свое господство над землей.

Субстанциализация всего онтологического негатива в одном этносе приводит к тому, что и трансценденция в экстремистском сознании этого типа адресна: физическое уничтожение, страшное «окончательное решение еврейского вопроса». Причем предварительно евреи должны быть выведены из состава человечества, чтобы по отношению к ним вполне оправданными выглядели самые крайние меры. Для этого осуществлялась дегуманизация, резкое понижение «онтологического статуса» евреев. «Евреи – паразитическая раса, произрастающая как гнилотная плесень на культуре здоровых народов. Против нее существует только одно средство – отсечь ее и выбросить. Уместна только не знающая жалости холодная жестокость. То, что еврей еще живет среди нас, не служит доказательством, что он тоже относится к нам. Точно так же блоха не становится домашним животным только оттого, что живет в доме» /7, 21/.

Итак, перед нами два экстремистско-националистических мировоззрения. Конечно, между ними есть серьезные внутренние различия.

Различны уровни притязаний, соответственно, уровень их легитимации: сверхъестественный выбор монотеистического Бога – у иудеев и квазинауралистическая легитимация в доктрине Гитлера.

Качественно различны описания, определения «позитивных и негативных субъектов» всемирной

драмы. Племя (точнее, союз 12 колен) и раса (совокупность народов с разной степенью расовой гомогенности). Соответственно, в первом случае «негатив» – это все окружение, все не-евреи, во втором же случае существует фокус негативного внимания. Это-то и предопределяет разный характер трансценденции, преодоления существующего положения вещей, разрушение пределов, замыкающих данное status quo.

Третье различие, пожалуй, наиболее существенное. Мировоззренческий радикализм, как я уже отмечал ранее, сохранил евреев как этнос в течение трех тысяч лет, «сделал» их. Радикальный иудаизм оказался «философией выживания», выковав «бессмертных». Однако подобный супранатуралистический эгоизм вряд ли может нравиться остальным народам, что и проявляется в разных формах антисемитизма.

Фашизм выразил умонастроения только части этноса, все же наименее образованных и наиболее нетерпимых, склонных к ксенофобии. Они есть в любом народе, но только экстремализация в социально-историческом развитии может привести их к власти со всеми вытекающими отсюда роковыми последствиями.

Вместе с тем, как бы ни были разными эти мировоззрения, между ними есть и то существенное сходство, делающее их однотипными. Крайности сходятся. Они имеют схожие паттерны самоорганизации, строящиеся на приоритете биологических признаков в идентификации «подлинно (даже – единственно) человеческого». Не сознание, интеллектуальные достижения, выработанные моральные качества – что мы можем ожидать от носителя сознания, homo sapiens, а кровное происхождение. Оба мировоззрения имеют в арсенале своей практики те или иные формы расовой политики, евгеники. Могут сказать, что все это не редкость и в современных

практиках слишком многих народов. Увы, это так, но тем более необходим беспристрастный анализ, показывающий «родимые пятна» животности, племенного и расового партикуляризма и в древнейшем племенном расизме, и недавнем неслыханном варварстве. Древность и современность смыкаются. В нашем сознании равнопредставлены и самосознание и жизнь тела. Иногда может показаться, что пределом истины является последнее в его межпоколенной коллективной ипостаси. Абсолютизация этого ведет, как мы смогли убедиться, ко сну разума.

Литература

1. Eible-Eibesfeldt, I. Indoctrinability, ideology, and warfare: Evolutionary perspectives / I. Eible-Eibesfeldt, E. K. Salter. – New York: Berghahn Books, 1998.
2. Деметр, Н. История цыган. Новый взгляд / Н. Деметр, Н. Бессонов, В. Кутенков. – Воронеж: Воронеж, 2000.
3. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер. – Мн.: Попурри, 1999.
4. Шафаревич, И. Трехтысячелетняя загадка. История еврейства из перспективы современной России / И. Шафаревич. – СПб: Библиополис, 2002.
5. Жаботинский, В. Еврейская революция / В. Жаботинский // Избранное. – Иерусалим; СПб., 1992.
6. Гитлер, Адольф. Main Kampf / А. Гитлер / ответственный за выпуск С. Н. Лобанов. – Ашхабад: Т-Око, 1992.
7. Геббельс, Й. Дневники 1945 года. Последние записи / Й. Геббельс. – Смоленск: Русич, 1993.